

Глава 1

26 апреля 2023 г. Женя

— Ребров, как же я тебе рада! — воскликнула Женя, впуская своего друга, следователя Валерия Реброва, домой.

Женя Бронникова с семейством, состоящим из мужа Бориса, маленького сынишки Миши и деверя Петра с его невестой Наташей, проживали в большом доме в пригороде Подольска. Борис был адвокатом и практически весь день находился в Москве, в своем офисе. Петр считал себя писателем и вечно строчил что-то в своей комнате, куда впускал только свою любовь, бездельницу Наташу. За Мишенькой присматривала няня Соня, которая часто оставалась в доме ночевать, а главной по хозяйству была Галина Петровна.

Словом, дом воспринимался Женей как живой организм, где всем положено было наслаждаться комфортом, чистотой и вкусной едой. Каждый в доме знал свое место и должен был быть счастлив.

Соня с Галиной Петровной, к примеру, четко знали свои обязанности и выполняли их по мере своих сил. Борис трудился, защищая тех, кто попал в беду. Петр, свободный художник-писатель, находящийся

в постоянном творческом поиске и не совсем еще определившийся, в каком же литературном жанре он трудится, просто витал в облаках, а заодно и в собственных фантазиях. Кроме того, он был влюблен! Наташа же просто наслаждалась жизнью и пребывала в состоянии страстной влюбленности после того, как нашла (обрела) наконец Петра, с которым была разлучена по пока еще никому не известным причинам.

И только Женя маялась, не зная, чем себя занять, мечась между своим зимним садом, где она растила тропические растения и ухаживала за ними, большим садом под открытым небом, где ей предстояла серьезная работа по его очистке и высадке цветов, маленьким Мишей, хозяйством, и успокаивалась она только к вечеру, когда в ворота въезжала машина Бориса и сердце ее начинало биться сильнее и радостнее.

Только своей близкой подруге Антонине, живущей в самом Подольске и часто навещающей дом Бронниковых, она могла признаться в том, что, несмотря на кажущуюся занятость, она мается от скуки, понимая, что все эти хлопоты, семейные дела, ребенок и даже ее любовь к Борису — вынужденная реальность, что не это главное. Что она давно уже должна заняться чем-то более серьезным, важным и непременно тем, что у нее получается и что приносит ей удовлетворение.

Но то, чем она на самом деле хотела бы заниматься круглые сутки, было для нее пока что недостижимо: стать следователем или оперативником без юридического образования невозможно. Понятное дело, что она в скором времени начнет готовиться к поступлению в Академию Следственного комитета, это

уже решено. И Борис ей в этом поможет. Но что ей делать сейчас, пока сын еще такой маленький?

Последнее дело, которым они с Тоней занимались, помогая Борису, — запутанная история Эммы Финягиной, соседки, проживающей в том же поселке, что и Бронниковы¹. Личность самой Эммы, ее психологический портрет, наличие интереснейшего женского дневника, таинственный любовник зрелой женщины и готовящееся покушение на ее мужа, предавшего ее самым жестоким образом, — все это просто не могло не заинтересовать Женю с Тоней. Другое дело, что многое из того, что ей впоследствии удалось выяснить, раскрыть и удивиться, так и осталось не озвученным следователю, настоящей тайной за семью печатями.

Понятно, что, расследуя на своем, женском и, чего уж там, примитивном уровне готовящееся преступление, Женя не могла обойтись без помощи своего друга, Валеры Реброва, следователя Следственного комитета и просто хорошего, отзывчивого парня — куда без экспертиз? Но ведь бывали случаи, когда Женя с подружкой реально помогли ему в расследовании, взять хотя бы историю с сестрами в заброшенном доме...² Кто нашел, вычислил убийцу?

Ребров бывал у них не так часто, но когда появлялся, дом оживал, все словно пробуждалось, хотели сделать ему что-то приятное и непременно оставить его ночевать.

¹ Читайте об этом в романе А. Даниловой «Назначаю тебя палачом».

² Читайте об этом в романе А. Даниловой «Комната для трех девушек».

В такие моменты Женя жалела о том, что совершенно не умеет готовить, и к столу либо подавалось то, что приготовила Галина Петровна, либо, когда домработница отсутствовала, еда заказывалась из ресторана. Правда, в последнее время пыталась приготовить что-то съедобное Наташа.

Наташа... Кажется, Женя начала привыкать к ее присутствию в доме. Внезапно и каким-то волшебным образом разбогатевшая, в доме она вела себя тихо и скромно, всем пыталась ненавязчиво помочь, и вообще Женя начала воспринимать эту улыбчивую и веселую Наташу как девушку-праздник.

Женя не раз пыталась поставить себя на ее место и каждый раз убеждалась в том, что она-то, окажись в чужом доме, пусть даже и с любимым человеком, вела бы себя совсем по-другому: наверняка дерзила бы, бунтовала, огрызалась... Причем непонятно почему. Просто такой вот неуживчивый, трудный она человек.

Женя побежала открывать дверь Реброву в садовых перчатках и фартуке — так спешила! Еще завидя его машину у крыльца, стала прикидывать, чем его угощать. Часа через два обещал вернуться из Москвы Борис. Вот он обрадуется, когда увидит Валеру! Так, что там у нас на ужин?

Женя быстрым шагом покинула оранжерею, которую все называли зимним садом, пробежала длинный коридор и распахнула дверь.

— Привет, Женечка! — Ребров, высокий статный парень в легкой куртке и джинсах, обнял ее. У него были добрые карие глаза, каштановые волосы и чудесная улыбка. — Как вы тут без меня?

— Я лично соскучилась. Честно. Пойдем! Пока никого нет, я имею в виду Бориса, посидим, поболтаем. Попозже, когда Борис вернется, поужинаем. Кофейку?

На голоса из комнаты выглянула Наташа. Блондинка с нежной кожей и огромными голубыми глазами. Белый вязаный балахон доходил ей до колен. Черные плотные колготки подчеркивали стройность ее ножек.

— Ребров? Привет! — Она по-свойски помахала ему рукой.

Женю же этот жест покоробил, как если бы она приревновала Валеру к Наташе.

«Он мой, поняла?» — примерно так ответила она мысленно блондинке.

— Привет! — улыбнулся ей Ребров.

— У нас сегодня бараний бок! — радостно заявила Наташа. — Это я его испекла. Вот так!

Ну, слава тебе господи! Женя и сама не заметила, как улыбнулась ей. Точно! Бараний бок! Из кухни доносился прямо-таки божественный аромат! Так, стоп...

— Бок или ногу?

— Ой, ногу, конечно! Прямо огромную такую жирную ногу и запекла! Пока ты со своими растениями там разговаривала, я тут поколдовала. Аромат доносился по всему дому, неужели ты не заметила?

— Да-да, — рассеянно проговорила Женя.

— Должна же я тоже чем-нибудь заниматься. Ладно, я исчезаю, понимаю, вам надо поговорить...

И она деликатно скрылась за дверью.

— Ребров, у тебя все в порядке?

— Ты прямо как в кино спрашиваешь: «Ты в порядке?» Я-то в порядке, жив-здоров, а вот на службе у меня полный завал.

Женя от счастья даже глаза закрыла, мысленно перекрестилась: Ребров приехал к ней за помощью! Ему нужна ее поддержка, ее талант расследования! И она готова ему помочь! Что угодно сделать! Хоть на Северный полюс помчаться с Тоней, чтобы собрать информацию, с кем-то встретиться, внедриться в среду и, главное, разгадать загадку преступления, вычислить преступника!

Она поставила перед Валерой чашку с кофе и села напротив него, сгорая от любопытства.

— Труп? — наконец не выдержала она, пока Ребров делал первый глоток горячего кофе.

— Да. Женщину нашли на пустыре.

Женя готова была уже завалить Реброва вопросами, как вдруг в кухню вошел, кутаясь в домашний халат, Петр. Вальяжный, красивый, белокурый, сияя улыбкой, он подошел и поздоровался с Ребровым:

— Привет, Валера! — И, уже обращаясь к Жене: — Можно и мне чашечку кофе?

Глава 2

2 апреля 2023 г. Таня

У нее все было необычное, красивое, оригинальное, не такое, как у всех. И сама она тоже была как бы не от мира сего. Все актрисы как актрисы: приглашают к себе на дачу коллег, поклонников, устраивают вечеринки, жарят шашлыки, распивают шампанское, да что там, пьют водку, закусывая икрой...

а Лариса Туманова почти всегда на даче одна. Отсыпается, отдыхает, книжки читает (Таня часто видит ее в плетеном кресле с книжкой в руках), роли учит, музыку классическую слушает, молоко пьет. Кстати, молочку ей приносит та же женщина с редким именем Таисия, что и Тане.

Дачи распложены в сосновом бору, все хорошо просматриваются, нет заборов, нет грядок, только сосны и цветочные клумбы. И воздух такой, словно душистый хвойный настой выпиваешь, как сделаешь вдох.

Тане дача досталась от бабушки, известной художницы, которая всю жизнь провела здесь в уединении, работая над своими натюрмортами и пейзажами. Родители давно уже купили дом в Николо-Хованском и жили там спокойно, сдавая свою московскую квартиру. Родители мужа Тани, Андрея, жили в Челябинске. Хорошо, что далеко. Никто не мешал молодоженам вить свое гнездо сначала в Москве, в квартире Андрея, а потом, после рождения дочки Машеньки, здесь, в Сосновом Бору, куда семья переехала в конце марта прошлого года. Газа, понятное дело, не было, отапливались электрическим котлом, и в доме всегда было жарко. Но главным был, конечно, воздух. И сосны. Здесь был настоящий рай!

Таня очень любила эту дачу. После смерти бабушки перевезли все ее картины и вещи в Николо-Хованское, к родителям, на даче сделали ремонт, провели коммуникации, перестроили, расширив, веранду, и почувствовали себя счастливыми обитателями лесного дома. Муж Андрей работал в строительстве, хорошо зарабатывал, но очень уставал. Возвращался

домой вечером, Таня встречала у крыльца, радовалась ему, подавала полотенце, кормила ужином, делала ему массаж больной спины и чувствовала себя при этом вполне счастливой.

Машеньке было три месяца, когда они в прошлом году переехали в Сосновый Бор. Сейчас ей год и три, но все равно совсем еще кроха. Аппетит у нее отменный, сон крепкий, а потому, сделав все дела по дому, Таня откровенно скучала, не зная, чем себя занять, кроме телевизора. Разве что почитать книжку, как Лариса?

На контакт, чтобы дружить по-соседски, актриса не шла, видимо, дорожила своим спокойствием. И вдруг однажды сама пришла и спросила Таню, не сможет ли она последить за ее комнатными растениями.

Таня поначалу растерялась, долго собиралась с мыслями, и тогда Лариса, по-своему поняв причину ее молчания, сказала, что будет ей за это платить.

С одной стороны, Тане было немного не по себе, все-таки работа легкая и занимает не много времени и усилий. Но с другой стороны, заплатив, Лариса и сама чувствовала бы себя спокойнее. На том и порешили.

И вот теперь в отсутствие хозяйки Таня время от времени навещала ее в дом, поливала цветы и, пользуясь случаем, могла подсмотреть для себя что-то интересное, полезное из жизни актрисы.

Конечно, ее интересовало все, что имело отношение к Ларисе как к женщине: гардероб, косметика, духи. И она, хоть и находясь в напряжении из страха, что хозяйка может возникнуть на пороге в любую минуту, открывала шкаф, рассматривала одежду актрисы, а иногда и примеряла. Конечно, это была всего лишь дача, а потому и одежда здесь была

как бы простая: какие-то свитера, балахоны, туники, джинсы... Но с другой стороны — и непростая, оригинальная! Кто-то же вязал ей эти цветные интересные свитера, воздушные голубые и белые кофты, кто-то шил юбки, украшая их кружевом и вышивкой. А эти батистовые рубашки с кружевом! А ботиночки или сапожки! Все — настоящие произведения искусства! Что уж говорить о бижутерии? Все стильное, роскошное, невероятное! То брошка из зеленого стекла и жемчуга в виде веточки ландыша, то бусы из цветного стекла, то браслет из кожи с камнями...

Но больше всего Тане понравились необычные бусики из трех ниток мелкого речного жемчуга, между которым были вплетены разноцветные камушки розового, зеленого и голубого стекла... Рассмотрев хорошенько, как они сделаны, сфотографировав их, Таня поехала в Москву, накупила необходимых камушков, жемчуг и сама смастерила себе точно такие же бусы.

Лариса Туманова снималась много: и в сериалах, и в хорошем кино, не гнушалась и рекламы. И везде она была как бы собой — женственная, нежная, открытая к любви... Но почему-то ни разу здесь, на даче, Таня не видела рядом с ней мужчин. Были женщины, подруги, но вели они себя тихо, разговаривали на веранде за самоваром, пили чай, может, и вино, но никогда эти посиделки не заканчивались пьяными разговорами, смехом.

После того как женщины договорились об уходе за растениями, Лариса перевезла на дачу еще больше растений. Больше всего Тане нравилась пышная зеленая араукария. Ухаживая за этой домашней елкой с мягкой, нежной хвоей, Таня в восхищении перед

этой красавицей даже целовала ее ветки. Мечтала и сама прикупить араукарию и даже придумала, куда поставит: в гостиной возле окна.

Наряжаясь в одежду актрисы, Таня пыталась представить и себя где-нибудь на съемочной площадке — вот интересно, сочли бы ее красивой или нет? Маленькая белокожая брюнетка, очень стройная, как балерина. Маленькая... Вот, точно. Она маленького роста. Но красивая же! И фигурка что надо! И кого бы она хотела сыграть? Героиню любовной драмы? Или тихую такую мошенницу, на которую никто бы не подумал...

Как-то раз, находясь у соседки в доме, набросив на себя цветную шаль Ларисы, Таня крутилась перед зеркалом, представляя себя актрисой, как вдруг до нее донесся звук мотора. Автомобиль?

Таня мгновенно сорвала с себя шаль и сунула в шкаф, быстрым взглядом оглядела комнату, все ли в порядке, не оставила ли она следов преступления, и кинулась к окну посмотреть, кто приехал. Хотя как — кто? Конечно, Лариса!

Но не увидела ее машину. И вдруг, всмотревшись в хвойную зелень, похолодела: за соснами, рядом с ее собственным домом, стоял желтый автомобиль — такси! Это к ней, оказывается, кто-то приехал, а ее дома нет и дом открыт, а там — маленькая Маша.

Таня, набросив куртку и сунув ноги в кроссовки, выбежала из дома, по дороге вспоминая слова мужа о том, что, живя в лесу, неплохо было бы иметь в доме хоть какое-нибудь оружие, так, на всякий случай, понимая, что совершенно не готова к встрече не то что с бандитами (и чего только в голову не взбредет?), но и просто с незваными гостями. Что она так

уже привыкла жить здесь в уединении, что даже в какой-то мере одичала. Причем «одичалость» ей эта, в сущности, нравилась. Она и не помнила, когда последний раз встречалась с подругами. Единственными гостями здесь, в Бору, были друзья Андрея со своими женами и детьми. Но и это бывало редко.

Неужели родители Андрея прилетели из Челябинска, чтобы сделать им сюрприз? Или ее родители? Но они тоже бывают здесь редко, в основном Таня сама навещает их в Николо-Хованском, так уж повелось. Да и с какой стати они приехали бы сюда на такси?

Не успела она добежать до дома, как машина развернулась и уехала. Странно... Так кто же приехал?

Она быстро взлетела на крыльцо, распахнув дверь, ворвалась на застекленную веранду и хотела было уже войти в дом, как вдруг боковым зрением заметила в ярком солнечном потоке, бьющем через стекла, темное пятно. Вскрикнула...

— Ну, привет, Танечка, — донеслось из солнечной жаркой мути, и постепенно совсем близко от ее лица проступило лицо ее мужа.

Но не того, с розовым, обветренным и тщательно выбритым лицом и аккуратной стрижкой, которого она утром кормила завтраком и провожала на работу, а другого — заросшего, с потемневшими глазами и впалыми щеками.

Это был его брат. Тот самый брат, о котором она так много слышала, но ни разу не видела. Брат, с которым Андрей проживал веселое беззаботное детство в играх, рыбалках и разных приключениях. Сколько историй она услышала о невероятном

и горячо любимом брате, об его талантах и харизме! Но все эти рассказы почему-то всегда были связаны именно с детством. Чем же занимается брат сейчас, есть ли у него семья — ничего об этом Тане не было известно. И когда она пыталась спросить об этом, муж уходил от ответа, говорил, что не все в жизни брата складывалось удачно, что виной всему его неуживчивый характер, что ему в жизни повезло куда меньше, чем Андрею. И никаких подробностей.

— Понимаю, напугал. Не бойся. Я — Виталий. Брат Андрея.

И тут ее отпустило. Даже уже понимая, что она видит перед собой брата мужа, она какое-то время еще находилась в ступоре, словно ей важно было подтверждение ее догадки, важно было, чтобы он сам представился, назвал свое имя.

— Да, я так и поняла. Неожиданно...

— Хотел сделать сюрприз.

Он смотрел на нее тем гипнотизирующим, немигающим взглядом сильного человека, которому все вокруг подвластно. Тяжелый и проникающий в самое сердце взгляд.

Она растерялась. Если бы он был другой, хотя бы такой же, как и Андрей, обыкновенный, она набросилась бы на него с упреками, мол, напугали, дом открытый, здесь маленький ребенок, а мы живем в лесу...

С этим же человеком сразу начинаешь чувствовать себя виноватой, неправой. Впору было извиняться перед ним за то, что она не сразу узнала его, что не поприветствовала как близкого родственника мужа.

— Так он не знает, что вы приехали?

— Давай на «ты».

Она кивнула, хотя не готова была даже так сблизиться с ним. Еще промелькнула совершенно сумасшедшая мысль, что это никакой не Виталий, а ее Андрей (одно лицо!). Что он как бы проверяет ее, хочет узнать, как она может вести себя в его отсутствие, когда перед ней появляется мужчина.

Дичайшая, нелепая мысль! И что вообще творится с ее мозгами? Почему она стоит перед ним, словно навтыяжку, ожидая приказаний?

Наконец она взяла себя в руки.

— Что же мы стоим? Проходите, пожалуйста.

— «Проходи», — поправил он ее. — Мы же теперь на «ты».

— Я позвоню Андрею, обрадую? — Она уже толкнула перед собой дверь и вошла в прихожую, машинально разулась.

В доме было так тепло, что ее ноги даже сквозь носки почувствовали теплый ковер. Как хорошо было бы, если бы никто не приезжал, если бы она просто вернулась домой, приготовила бы кофе, поиграла с Машенькой... А так... Он стоит за ее спиной в ожидании ее просьб, приказов, каких-то дежурных слов, мол, проходи, будь как дома... Да ничего подобного! Она вовсе и не хочет, чтобы он чувствовал себя как дома. Она хочет, чтобы он исчез!

— Проходите, пожалуйста, вот сюда. Давайте я заберу вашу куртку, а сумку поставьте пока вот здесь, у дивана. Когда я приготовлю вам комнату, перенесем туда.

Она старалась не смотреть на него. И все еще чувствуя за спиной его присутствие, быстрым шагом направилась в детскую комнату, проверить, все ли в порядке с Машенькой.

Малышка крепко спала, золотой завиток прилип к алой влажной щечке. Какая же она счастливая, что маленькая и полностью погружена исключительно в себя. И ей нет никакого дела до того, что в доме появился незнакомый мужчина. И ей не надо стараться строить с ним отношения. Не надо вообще думать о том, как ей с ним себя вести.

Таня не могла понять, откуда вдруг эта напряженность, скованность: неужели она на самом деле, живя здесь, стала бояться людей?

Вернувшись в гостиную, она застала Виталия стоящим возле окна. Высокий и очень худой, в черном свитере и черных джинсах, с взъерошенными густыми волосами, он выглядел уставшим.

Повернулся, и взгляд его карих глаз полоснул по Тане как ножом. Что это было? Ненависть? Злость? Откуда вдруг этот колючий, холодный взгляд?

— Ты издалека? — Она подумала, что так зарастить, устать и похудеть мог человек, который проделал долгий путь.

— Да. С Севера. Замерз, — произнес он и вдруг широко улыбнулся. — Ты чего вся скукожилась-то? Чего испугалась? Банька-то у вас есть?

— Есть, но ею занимается Андрей. — Она развела руками. — Но у нас есть горячая вода, само собой, душ, ванна.

— Ты себе представить не можешь, как давно я мечтаю помыться.

— Хорошо, я сейчас все приготовлю.

И она, почему-то снова испытывая чувство неловкости и стараясь не смотреть в его сторону, отправилась в ванную комнату, достала из шкафчика два больших полотенца, поставила на полочку так, чтобы гость увидел сразу, как войдет, мужской шампунь, гель для душа и даже пакетик с бритвами и баллон с пеной для бритья.

— Вы проходите в ванную комнату, а я приготовлю вам поесть.

— Спасибо, Танюха! Я пошел!

И он заперся в ванной.

Да, не получается у нее пока что перейти на «ты». И почему-то ее сильно тяготит присутствие этого Виталия. Откуда он приехал? Чем занимается? Есть ли у него семья? И почему он не предупредил брата о своем приезде? А как узнал адрес? Получается, что братья общались? Перезванивались, переписывались.

На кухне она почувствовала себя немного поспокойнее. Поставила разогреваться суп, достала солиности, нарезала хлеб, включила чайник, чтобы заварить свежий чай.

За окном сумерки налились лиловыми красками, черными зловещими контурами обозначились огромные сосны.

Где-то в глубине дома плакал ребенок. Таня, обессиленная и мокрая, не успевая подбирать губами катящийся по лицу пот, сидела на коленях мужчины, не в силах подняться.

— Он может появиться с минуты на минуту, — прошептала она. — Надо включить везде свет. И оденься уже...

Глава 3

23 апреля 2023 г. Герман

Дети притихли в своих комнатах: десятилетняя Оксана рисовала акварелью, четырнадцатилетний Егор играл за планшетом. Сам Герман с бутылкой пива сидел на диване в гостиной и смотрел боевик.

Уже стемнело, а никто не вспомнил про ужин. словно в отсутствие матери никто и не проголодался. Хотя, подумал Герман, стоит ей вот сейчас прийти, как сразу все словно расколдуются, оживут, начнут кружиться по квартире в ожидании ужина, будут виться вокруг матери, вдыхая аппетитные запахи готовящейся еды.

Но было уже почти девять, а Алена так и не проявилась. Не отвечала на звонки и сообщения Германа, что было на нее совсем не похоже. Конечно, такое бывало не раз, когда она так задерживалась, но всегда предупреждала или, во всяком случае, отвечала на звонки. Она могла задержаться у своей подружки Галки, с которой они все никак не наговорятся, могла зайти в торговый центр и, забыв про время, делать покупки, а потом взять себе чашку кофе, купить моментальные лотерейные билеты и, удобно расположившись за столиком, с удовольствием чистить их монеткой, получая от этого только ей одной из их семьи ведомое удовольствие. Могла застрять в пробке,

но это уж вряд ли: с работы она добиралась на метро и точно знала время, которое уходит у нее на дорогу.

Прошел еще час, надо было уже что-нибудь приготовить.

Герман, недоумевая, куда могла запропасться его жена, отправился на кухню, поставил вариться спагетти, достал из кладовки томатную пасту, порезал помидоры, почистил чеснок и начал готовить соус. На аромат прибежала Оксана, потянула носом, заглянула в сковородку с соусом и показала отцу «лайк».

— Спагетти? — подмигнула она.

— Да, — ответил он в ожидании следующего вопроса: «А где мама?» — но Оксана убежала.

Потом пришел, потягиваясь и зевая, Егор.

— Где мать-то? — спросил, склоняясь над сковородкой и вдыхая запах соуса. — Снова у тети Гали?

И тут Герман понял, что до сих пор не позвонил Галине.

Она не сразу взяла трубку. Герман представил себе даже, как они, подружки, сидят за столом, потягивая вино, а телефон, к примеру, надрывается в другой комнате.

Нет, она не знает, где Алена. Предположила, что еще в детском саду. Может, документацию оформляет. Она же методист, у нее полно всякой писанины бестолковой. Так и сказала: «бестолковой».

Тогда Герман позвонил на работу жены, хотя они давно уже договорились с Аленой, что туда звонить не надо, только в самом крайнем случае, что трубку наверняка возьмет заведующая Нина Михайловна, а у нее с ней сложные отношения. И не стоит лиш-

ний раз давать ей пищу для унижительных расспросов. Но разве сейчас не тот самый крайний случай?

Как он и предполагал, трубку взяла заведующая. Едва услышав ее голос, Герман поморщился, как если бы ему прищемили палец. И даже втянул воздух сквозь зубы. Вот черт!

— Добрый вечер, Нина Михайловна. Скажите, Алена на работе?

— Добрый вечер, Герман, — услышал он мягкий женский (как сказала бы Алена, лисий) голос. — Нет, ее давно нет. Она сегодня в библиотеку должна была поехать, чтобы договориться о встрече с детским писателем. Еще должна была отвезти плотнику холсты — она готовит большой стенд...

— Хорошо, я понял. Извините, пожалуйста.

— Да что вы? Все нормально. Вернется ваша Алешка, не пропадет. Такие, как она, не пропадают. Доброго вам вечера, Герман.

Ну вот! Все-таки сказала гадость. Просто так. Какая неприятная женщина, и как только Алена с ней работает?

Герман слил макароны, вывалил их в сковороду с соусом и тщательно перемешал. Но как ни старался делать это аккуратно, все равно несколько томатных капель попали на футболку.

— Егор, Оксана, идите ужинать!

За окном стало уже совсем темно, Алена так и не пришла, и никто — ни даже сам Герман, ни дети — особо не переживал. Может, заведующая и права: такие, как Алена, не пропадают?

Все были уверены, что она вернется с минуты на минуту. Ну и что, что на звонки не отвечает, разные

обстоятельства бывают. Может, разрядился телефон или она его где-то оставила, у того же плотника или в библиотеке. У нее же полно разных дел. Она постоянно в движении, куда-то ездит по делам, с кем-то встречается, делает покупки, навещает родителей, хлопочет перед этой же Ниной Драконовной за своих воспитателей, вечно защищает их перед ней... Вот, кстати! Может, она встречается со своими коллегами по работе? Может, у кого-то день рождения и они в кафе отмечают? А там музыка и никто не слышит звонков? Но тогда почему же она не предупредила Германа, что задержится? Должна была. Может, закружилась?

Герман уложил посуду в посудомоечную машину, прибрался на кухне, пожелал детям спокойной ночи и вернулся в гостиную с бутылкой холодного пива. Что делать? Где ее искать?

Он так и не открыл бутылку. Ходил по квартире в полной растерянности, словно надеясь увидеть жену где-нибудь в ванной комнате или спальне, потом замирал на несколько секунд, вслушиваясь в тишину квартиры, и тогда ему казалось, что лифт поднимается, что вот сейчас он остановится на их этаже и в дверь позвонят... Хотя, нет, она не станет звонить. Она достанет свои ключи и тихо, стараясь не шуметь, откроет дверь. Увидит мужа и, смешно так сморщив нос, извинится, мол, Герочка, прости, заглянули в кафешку с девчонками, выпили, совсем потеряла счет времени...

Между прочим, иногда она ночует у родителей! И почему же Герман до сих пор им не позвонил?

Потому что Алена просила его лишний раз не тревожить их.

Точно! Она у родителей! Скорее всего, с матерью что-нибудь случилось, давление поднялось. Но почему она не позвонила? Если телефон разряжен, она могла его подзарядить у них...

Он позвонил. И сразу же отключил телефон. Если ее там нет, он их разбудит. Что он наделал? Они же сейчас перезарядят ему!

«Ксения Андреевна» — высветилось на дисплее, теща звонит. И что он ей сейчас скажет?

— Гера? Ты звонил? — услышал он строгий голос. Она явно не спала. Снова бессонница мучает.

— Извините, нечаянно нажал... — соврал Герман, не зная, что говорить дальше, сейчас же начнутся расспросы.

— У вас все нормально?

— Да, Алена уже спит... У вас как дела? Все в порядке?

— Да, спасибо. Вот только уснуть никак не могу, никакие таблетки не помогают. Ладно, сейчас вот сериал досмотрю, может, и усну. Вы были сегодня на даче?

И тут Германа словно током ударило, он словно пришел на время в себя, даже замотал головой, сбрасывая оцепенение и какую-то болезненную муку: сегодня же воскресенье и они на самом деле могли поехать на дачу! А он, дурак, звонил в детский сад в выходной день (!), и там, как нарочно, торчала одинокая и никому не нужная заведующая. И почему-то именно в воскресенье Алена должна была договариваться о встрече с детским писателем!

— Нет, не были.

— Ну и ладно. Прохладно еще. Хотя наши друзья живут на даче с начала марта... Ладно, Гера, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Так, значит, она не у них. Тогда где же?

Он заглянул к детям. Егор уснул в постели, но в обнимку с включенным планшетом.

Герман осторожно забрал его, отключил и положил на стол. Укрыл мальчишку одеялом.

Оксана спала, прижав к груди плюшевого кролика — поделку одной из родительниц детского сада. Белый симпатичный кролик с розовыми ушами.

Поправив одеяло, он склонился и поцеловал дочку в щеку.

Вернулся в гостиную.

Вот где она может быть?

Глава 4

27 апреля 2023 г. Женя

Она затащила его в зимний сад, чтобы им никто уже не смог помешать поговорить.

— Значит, личность убитой не установлена. Как, говоришь, ее убили? Удушили? Она была изнасилована?

— Эксперт говорит, что вряд ли изнасилована, скорее всего, у нее незадолго до смерти был половой акт. Ее удушили, по всей видимости, подушкой, даже следов рук на шее нет. Она и не сопротивлялась, не боролась. Ее не били. Просто кто-то набросился на нее, возможно, спящую и удушил, — сказал Ребров. — Одежда тоже в порядке. Женщина ухожен-

ная, здоровая, рожавшая. Ее точно должны искать. Может, завтра появится информация. Но пока что установить личность не представляется возможным.

— Она красивая? — вырвалось у Жени, и она, как это часто с ней бывало, тотчас пожалела о вопросе.

Даже стыдно стало. Ребров может подумать, что она спросила его о внешности жертвы из любопытства, ему и в голову не придет, что это может быть связано непосредственно с преступлением и, уж конечно, способно помочь следствию.

— Не думаю, что ее можно назвать красавицей, хотя она высокая, стройная, с белыми кудрявыми волосами, но вот лицо...

— Что с лицом не так? Валера, возьми меня завтра с собой, я хочу на нее взглянуть, — взмолилась Женя.

— Жень, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя нездоровое пристрастие к убийствам и трупам? — попробовал пошутить Ребров.

— Да, мой муж. Сам знаешь. Но что поделать, когда меня на самом деле интересуют подобные дела? Понимаешь, мне всегда было интересно узнать, какие же сильные чувства испытывает человек, решившийся убить. Ведь убить себе подобного — это ли не расстройство психики? Вот кто, к примеру, мог удушить молодую женщину? И главное, за что? Это какую же ненависть к ней он должен при этом испытывать? Или страх?

— Знать бы...

— Вот ты, Валера, всегда действуешь как профессионал. Проводишь допросы, изучаешь результаты экспертиз, ты четко идешь по следу, проторенному уликами, свидетельскими показаниями. Но ты ни-

когда не задумывался о личности убийцы? Хотя... что это я? Конечно, задумывался. — Женя вздохнула. — Вот кому, кому понадобилось убивать эту женщину?

— Сама знаешь, мотивов может быть множество, — сказал Ребров. — Ну просто очень много. Она могла навредить кому-то, и человек ей отомстил. Могла кого-то тоже в свое время убить. Могла быть свидетельницей преступления, и ее за это решили убрать. Она могла быть наследницей крупного капитала, да хотя бы просто из-за квартиры! Говорю же, полно мотивов. Но только установив личность, характер жертвы, мы можем попытаться вычислить, кто мог это сделать.

— Ее, кстати говоря, могли убить и по ошибке, об этом тоже надо помнить, — рассуждала Женя, на миг забыв, что беседует не со своей подружкой Антониной, а со следователем Следственного комитета, с настоящим профессионалом. — Но вернемся, однако, к ее внешности. Как ты думаешь, почему я спросила тебя, красивая ли она была? Ведь в жизни женщины большое место занимает любовь. И самое жгучее чувство, которое испытывают влюбленные люди, — это ревность. Измена. Что, если она, привлекательная женщина с бурной личной жизнью, изменила мужу и он убил ее?

— Да, конечно, и такое бывает, и муж, как правило, в этой истории становится первым подозреваемым. Но, повторю, она точно не красавица...

— Значит, муж...

— Да. От любви до ненависти, сама знаешь... И вот тогда меня, как и тебя, интересует личность мужа, потенциального убийцы: если он муж, то как он мог,

убив жену, с которой прожил бок о бок и которую когда-то любил, отвезти ее труп на тот же пустырь, к примеру? Ты понимаешь, о чем я? Ведь он же с ней спал рядом, обнимал ее когда-то, любил, повторяю, и вот он ее убивает — и ему уже все равно, где он бросил ее труп? Тело, которое он так любил и желал, можно вот так запросто отправить на свалку?

— По-моему, мы с тобой слишком сентиментальные для этого дела, ты не находишь?

— Да нет, не в этом дело. Просто я, как и ты, не могу привыкнуть к смерти. Слишком уж часто приходится ее видеть. К этому невозможно привыкнуть.

— Смерть... Хочешь, я расскажу тебе, как я представляю себе смерть?

— Ты уверена, что хочешь поговорить на эту тему, тем более на ночь глядя?

— Да. Смерть — это когда ты заходишь в темную комнату и за тобой захлопывается дверь. И все — темнота. Ты ничего не видишь и не слышишь. И главное, никто уже эту дверь не откроет. Вот почему я не боюсь смерти. Я, когда захожу в кладовку, в темную кладовку, причем я нарочно не включаю свет, то представляю себе, что темнота — это то, что больше всего похоже на смерть.

— Ты ненормальная. Зачем ты делаешь это? Тебе не страшно?

— Пытаюсь представить себе, что нас всех ждет.

— Я не верю тебе. Это глупость, честное слово!

Дверь открылась, вошел Борис.

— И о чем это вы тут шепчетесь? — Он прищурил глаза и покачал головой. — Снова решила ввязаться в какое-то дело? Пытаешь Валеру?

— Да, Боря. Что поделаться, если у меня натура такая — делать все тебе назло? Вот ты говоришь: «Сиди дома», — а меня так и тянет из него, так и хочется что-нибудь порасследовать, напрячь свои мозги и помочь следствию. Давай ты посиди дома хотя бы пару дней, а я посмотрю на тебя. Да ты взвоешь от скуки!

— Женечка, успокойся. Не надо делать из меня домашнего тирана.

— Да мне надоело уже прятаться от тебя, врать тебе, что я поехала за памперсами в Москву, хотя на самом деле у меня дело на Северном полюсе... Я предупреждала тебя еще тогда, давно...

— Тссс... Успокойся, прошу тебя. Сейчас, когда у нас есть няня да и Мишка, к счастью, спокойный, я вовсе не против того, чтобы ты занялась чем-то полезным. Но ловить убийцу... ты извини меня.

— Да какой еще убийца? — взвилась Женя. — И вообще, дела-то никакого конкретного нет. Просто я спросила Валеру, как у него дела. Что нового? Есть ли интересное дело? Может, ему помощь наша нужна. Может, надо познакомиться со свидетелем, разговорить... Может, поехать на место преступления, куда-нибудь в лес, осмотреть его, или побывать в квартире, где совершено убийство, тоже поискать улики... Ты же знаешь, я внимательная, всегда подмечу что-то важное. Я это страсть как люблю. Можешь считать меня извращенкой, но что поделаться, если я такая?

— Женя, да успокойся уже! Честно говоря, я пришел сказать спасибо за ужин и спросить: не собираешься ли ты спать?

— Сейчас приду, — насупилась Женя. — А спасибо за ужин надо сказать Наташе. Это она приготовила баранину.

— У нас новое дело, — внезапно сказал Ребров. — Три дня тому назад труп молодой женщины обнаружили на пустыре. Личность пока не установлена. Вот рассказываю Жене. Хочу, чтобы и ты знал.

— С вами все понятно. — Борис махнул рукой и ушел, бормоча что-то себе под нос.

— С одной стороны, я его понимаю, он боится за меня, — сказала расстроенным голосом Женя, — но с другой... Если всего бояться, то как вообще жить?

Она понимала, что все это пустые слова. И ценила, конечно, произнесенные Борисом слова. По сути, он только что сообщил ей, что не против того, чтобы она занялась чем-то полезным. Но ведь тут же как бы пошел на попятную — не станет же она ловить убийцу! А что еще можно делать, когда убит человек? Разве цель любого расследования не поиск убийцы?

— Ладно, Женька, пойдем спать. Утро вечера мудренее. Может, узнаем завтра имя этой блондинки.

— Так ты возьмешь меня с собой в морг?

— Конечно, возьму. Вот только Борис меня приберет...

— Знаешь, что я решила? Больше не буду ему врать, мне и самой это противно и неприятно. Вечно прошу кого-нибудь меня прикрыть, словно я совершаю преступление. Сам знаешь, сколько раз меня спасал Петр. А больше не буду. Вот пойду и прямо сейчас скажу Борису, что завтра мы с тобой едем в морг.